

МИТИН Иван Игоревич / Ivan MITIN

| Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности |

МИТИН Иван Игоревич / Ivan MITIN

Россия, Москва.
 Российский научно-исследовательский институт
 культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва.
 Центр гуманитарных исследований пространства
 кандидат географических наук, старший научный сотрудник

Russia, Moscow.
 Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.
 Senior researcher.

imitin@tut.by

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ В СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЯ (ВОС)СТАНОВЛЕНИЯ И ФАКТОРЫ САМОБЫТНОСТИ

В статье рассматривается история создания культурной (изначально социально-культурной) географии в структуре советской экономической географии в 1930–1940-е гг. в «отрыве» от традиций русской до-революционной антропогеографической традиции и параллельных процессов становления школы культурного ландшафта К. Зауэра в англо-американской культурной географии. Представлена попытка систематизации упоминаний культурной географии и культурно-географической тематики в советской географии 1940–1980-х гг. Выявлены основные факторы форсированного возникновения и развития разнонаправленных культурно-географических концепций в 1990–2000-е гг. Намечены первые оформившиеся черты самобытности и уникальности сложившейся к настоящему моменту российской культурной/гуманитарной географии в сравнении с ведущими зарубежными школами и концепциями, как XX в. (геософия, географическая эпистемология, новая культурная география, гуманистическая география), так и современными.

Ключевые слова: культурная география, гуманитарная география, культурный ландшафт, новая культурная география, гуманистическая география, культурный поворот, пространственный поворот, геософия, история географии

Cultural Geography in the USSR and Post-Soviet Russia: The History of Development and Main Traits of Originality

The history of the development of cultural (initially socio-cultural) geography in the USSR is the main topic of the article. The subject first appeared in the 1930s-1940s with no regard for either the Russian school of anthropogeography or the emerging C. Sauer tradition in cultural landscape studies. Attempts to integrate cultural geography within Soviet geography during the period spanning 1940–1980 are described. The main reasons for establishment, the conceptual framework and unique features of 'humanitarian geography', newly established in Post-Soviet Russia, are discussed. A comparison between the original Russian school and leading Western concepts — like geosophy, geographical epistemology, new cultural geography and humanistic geography — is made.

Key words: cultural geography, humanitarian geography, cultural landscape, new cultural geography, humanistic geography, cultural turn, spatial turn, geosophy, history of geography

Культурная география — субдисциплина в рамках географической науки, отличающаяся особенно непростой судьбой в России. В самом общем виде культурная география может быть определена как «междисциплинарное научное направление, объектом изучения которого является *пространственное разнообразие культуры и ее распространение по земной поверхности*»¹.

Из этого довольно широкого определения следуют, помимо прочего, некоторые сложности в выявлении основных этапов становления и развития культурной географии. Так, если посмотреть на географию — такую, какой она была до *диверсификации* на отдельные направления и «отраслевые» гео-

графические науки, на географию Страбона и Геродота, даже и на географию Александра Гумбольдта — то очевидно по современной классификации большая часть *той* географии была бы отнесена «по ведомству» как раз культурной географии. Какие и где живут люди, чем занимаются, чем питаются и как обустраивают своё жилище, какие у них традиции и устои, как устроена их система ценностей — все эти вопросы, в самом деле, и задавали, как правило, «универсальные» географы.

Однако, когда из географической науки стали — одна за другой — вычлениваться отраслевые субдисциплины, культурная география оказалась чуть ли не на последней позиции. В результате формирование понятийно-концептуального аппарата и базовых теоретических основ собственно культурной географии происходит весьма поздно — судя по всему, в первой трети XX века. При этом культурная география всегда была «на гра-

¹ Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №4. С. 18.

ни» с общегеографическими работами, именно из-за того, что близость её к «единой географии» прошлых веков столь велика.

Запрет и восстановление

В нашей стране ситуация со становлением культурной географии как субдисциплины выглядит ещё более драматично, чем в мировом опыте в целом.

Так, теоретической основой для отечественной культурной географии могла бы стать *русская антропогеографическая школа* и, в частности, работы Л. С. Берга о культурном ландшафте². Находясь «на грани» общей теории географии и потенциальной культурной географии, Л. С. Берг обозначил соотношение в каждом конкретном ландшафте природной основы и разворачивающейся на ней человеческой деятельности. Он заложил, таким образом, основу, по крайней мере, для *региональной* культурной географии. Однако, попытка обобщения и фундаментальной систематизации этих разработок в Советском Союзе не удалась: первое издание книги «Ландшафтно-географические зоны СССР» было признано идеологически неправильным, а второе — исправленное — было очищено уже от всяких упоминаний о человеке как части ландшафта³. Так не состоялось создание советской культурной географии на основе русской классической географической школы.

Парадокс ситуации в том, что *практически одновременно* с этим начались дискуссии о необходимости создания культурной географии в СССР. Получается, что правильнее было бы говорить тут о *воссоздании*, однако, речь об этом не шла неслучайно. Предполагаемая и задумываемая в 1930-е гг. советская культурная география была *абсолютно новой*, не опирающейся ни на классические дореволюционные школы, ни на уже созданную школу Карла Зауэра⁴ в англо-американской культурной географии.

Культурная география, соответственно, намечается *в отрыве от ландшафтоведения*, ставшего частью физической географии — и оказывается «в компетенции» экономической географии. Учтивывая всё возрастающий «разрыв» между этими двумя крупномасштабными «ветвями» советской географии, это сыграло немалую роль в становлении культурной географии в СССР.

Так, основатель советской экономической географии Н. Н. Баранский, намечая структуру комплексных региональных монографий о различных районах СССР, пишет о том, что в будущем в таковой возможно и новое перспективное направление — культурная география. При этом её объектом должны стать «особенности быта и культуры национальных меньшинств и успехов в области национально-культурного строительства»⁵.

Чуть позже Р. М. Кабо, отталкиваясь от постулата Н. Н. Баранского, обосновывает необходимость создания новой суб-

дисциплины — *социально-культурной географии населения*. Он отмечает, что «культурные ландшафты в условиях одного и того же общественного строя различаются в пространстве, поскольку они отличаются друг от друга своими географическими условиями; в географической обстановке одной и той же местности они будут изменяться во времени, поскольку изменяются во времени орудия производства, производственный опыт и трудовые навыки людей»⁶. Иными словами, Р. М. Кабо указывает на факторы социальной дифференциации, не поддающиеся объяснению строго в рамках исследований общественных различий на территории. Делая шаг вперед, Р. М. Кабо вводит в культурную географию понятие «пояса человеческой культуры» как «пояса человеческого влияния»⁷. В этом смысле культурная география Р. М. Кабо практически отождествляется с «*географией человека*» (human geography), которая к тому времени в СССР практически полностью подменяется только экономической географией. Так, давая определение социально-культурной географии населения, Р. М. Кабо пишет, что «она изучает обусловленные трудовой деятельностью типы расселения людей, их образ жизни и социально-культурные особенности в пространственных различиях, а также сложные сочетания всех этих элементов, которыми характеризуется каждая отдельная общественно-территориальная группа людей»⁸.

Получается, что вынужденно, в условиях несформированности не только культурной, но и социальной географии в СССР, Р. М. Кабо предлагает *новую советскую* социально-культурную географию как очень широкую и чуть ли не всеобъемлющую область географической науки. В подобном виде и с подобным охватом предметной области культурная география в мировой практике действительно предстала к 1980-м гг., когда вследствие параллельных процессов как внутри самой культурной географии, так и в теории географии в целом возникает неразрывная «*культурная/гуманистическая география*»⁹.

Едва ли Р. М. Кабо мог предположить, что предугадал тенденцию развития мировой культурной географии на полвека вперед. Однако, факт остаётся фактом: ни в фундаментальной работе Ричарда Хартшорна¹⁰, ни в ставших предтечами концептуальной трансформации географии в 1970–1980-х гг.¹¹ статьях Карла Райта о географии¹² и Дэвида Лоуэнталя о географической эпистемологии¹³ таких прогнозов нет.

Между тем, в советской географии намечается своеобразная замена культурному ландшафтоведению, к которому по-

² Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. 1915. Т. 51. №9. С. 463–475.

³ Берг Л. С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. М.-Л.: Сельхозгиз, 1931.

⁴ Sauer C. O. The morphology of landscape // Publications in geography. Berkeley: University of California, 1925. Vol. 2. No. 2. P. 19–53.

⁵ Баранский Н. Н. О создании серии экономико-географических монографий по республикам и областям // Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. Изд. 2-е. М.: Географгиз, 1960. С. 85]

⁶ Кабо Р. М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Сб. 5. География населения. М.: ОГИЗ, 1947. С. 16–17.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Entrikin, 1994, 1996, 1997; Rowntree, 1986, 1988.

¹⁰ Hartshorne R. The nature of geography. A critical survey of current thought in the light of the past // Annals of the Association of American Geographers. 1939. Vol. 29. No. 3. P. 173–645.

¹¹ Николаенко Д. В. Джон Райт и Карл Зауэр как основоположники гуманистической географии Запада. Симферополь: Симферопольский гос. ун-т, 1982. Деп. ВИНТИ №5991-82.

¹² Wright J. K. Terrae incognitae: The place of the imagination in geography // Annals of the Association of American Geographers. 1947. Vol. 37. No. 1. P. 1–15.

¹³ Lowenthal D. Geography, experience and imagination: Towards a geographical epistemology // Annals of the Association of American Geographers. 1961. Vol. 51. No. 3. P. 241–260.

МИТИН Иван Игоревич / Ivan MITIN

| Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности |

дошёл в своё время Л. С. Берг, новым — *антропогенным ландшафтоведением*. Этот процесс в рамках физической географии стимулируется экономгеографом Ю. Г. Саушкиным и его статьёй о культурном ландшафте¹⁴.

Здесь в условиях масштабного преобразования природных ландшафтов человеком в хозяйственной деятельности (и не менее масштабной государственной риторики по этому поводу) возникает представление, что отдельной разновидностью ландшафтов становятся те из них, что подверглись антропогенному (человеческому) воздействию в ходе их освоения (*«антропогенный ландшафт»*). Ну а те из антропогенных ландшафтов, в которых человек достиг известных успехов в «улучшении» природной среды и создании дополнительных удобств для хозяйственной деятельности получили дополнительное — не слишком, впрочем, укоренённое — наименование «культурных ландшафтов».

Так, в фундаментальном словаре по физической географии культурный ландшафт определяется как «разновидность антропогенного ландшафта, созданного человеком сознательно путём изменения природного ландшафта в нужном направлении для хозяйственных целей»¹⁵. Споры о культурном ландшафте в рамках ландшафтоведения и — шире — физической географии остановились на уровне дискуссии о качественной оценке антропогенных ландшафтов и обоснованности введения термина «культурный ландшафт» относительно не всех антропогенных ландшафтов, а только изменённых человеком в гармоничном, «улучшающем» направлении¹⁶.

Планы через полвека

В послевоенной советской географии из указанных намеченных направлений реальное развитие получило только антропогенное ландшафтоведение. Собственно культурная и социально-культурная географии так и остались в статусе проектов на будущее. Поразительно, как этот статус несколько не изменился на протяжении почти 50 лет.

Так, В. М. Гохман в фундаментальной статье в сборнике по теории географии в 1984 (!) году подробно разбирает структуру «общественной географии» (в таковую развилась и «переродилась» советская экономическая география) — и называет среди её генеральных направлений, помимо экономической и социальной, ещё и культурную географию¹⁷. При этом культурная география характеризуется через исследовательскую ориентацию на «культуроведческие дисциплины, где непосредственным предметом исследования выступают разнообразные надбиологические средства и механизмы деятельности и адаптации к среде»¹⁸. В. М. Гохман, таким образом, в отличие от Р. М. Кабо, *выводит культурную географию из рамок социальной*.

Однако, статус статьи В. М. Гохмана «программный и проективный» — она так и осталась скорее декларацией (несбыв-

шихся) намерений, а не констатацией свершившегося в советской географии факта.

Так, С. Б. Лавров, говоря о социологизации географии, объясняет отсутствие необходимости в замене термина «социально-экономическая география» более широким и точным «общественная география» так: «на сегодняшний день провозглашаемая В. М. Гохманом «культурная география» не сложилась, а все реальное содержание подсистемы [общественной географии] вполне «укладывается» в рамки понятия «социально-экономическая география». О культурной географии писал еще Н. Н. Баранский, формирование ее было бы желательным, но, видимо, сегодня общественные потребности концентрируются на изучении социальных явлений (частью которых являются культурные)»¹⁹. Еще раз подтверждает свой «неосторожный» тезис о соподчиненности культурной и социальной географии С.Б. Лавров, отмечая, что нецелесообразно специалистам по социальной географии «переключаться» на культурно-географические аспекты, пока сама «социогеография» еще далека от совершенства²⁰.

Получается, что так и не восстановленная культурная география пострадала всё-таки от своей тесной связи с *социальной*. Последняя активизируется в СССР только в 1960–1970-е гг., соответственно, о достаточном её развитии говорить к 1980-м гг. ещё не приходится.

Впрочем, параллельно, благодаря существенным работам этнографов по хозяйственно-культурным типам и историко-этнографическим областям²¹, зарождается и представление о связи культурной географии — в потенциале — всё-таки не с социальными науками и социальной географией, а с этнографией, подменяющей в СССР (культурную) антропологию²².

Рождение «географии культуры»

Итак, наш краткий — в силу счётного количества упоминаний термина «культурная география» — обзор становления культурной географии в СССР достиг в хронологическом порядке 1980-х гг., а эта субдисциплина так и остаётся перспективным направлением «на будущее».

Важно при этом, что уже ясно, как будет возникать советская культурная география: *из социальной географии по мере развития последней*.

Так и получается: Н. Т. Агафонов²³ и Н. Ф. и Ю. Д. Дмитриевские, описывают в своих статьях активно развивающуюся социальную географию, «из которой выделяется особая ветвь — география культуры»²⁴.

¹⁴ Саушкин Ю. Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. Сб. 1. М.: ОГИЗ, 1946. С. 97–106.

¹⁵ Мильков Ф. Н. Словарь-справочник по физической географии. М.: Географгиз, 1960. С. 85.

¹⁶ см. Исаченко А. Г. О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» // Известия РГО. 2003. Т. 135. №1. С. 5–16.

¹⁷ Гохман В. М. Общественная география, ее сущность, структура // Вопросы географии. Сб. 122. Теоретические аспекты географии. М.: Мысль, 1984. С. 63.

¹⁸ Там же. С. 62.

¹⁹ Лавров С. Б. Становление социальной географии: мнимые противоречия и реальные проблемы // Социальная география Калининградской области. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 1982. С. 17.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования) // Советская этнография. 1975. №3. С. 15–25.

²² География сегодня / Под ред. И. П. Герасимова, В. С. Преображенского. М.: Знание, 1984. С. 47.

²³ Агафонов Н. Т. О сущности и основных задачах советской социальной географии // Известия ВГО. 1984. Т. 116. №3. С. 205–211.

²⁴ Дмитриевская Н. Ф., Дмитриевский Ю. Д. Проблемы инфраструктуры в новых направлениях экономической и социальной географии // Социально-экономические и экологические аспекты географии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 83.

Как «особая ветвь» социальной географии *география культуры* (именно это название укореняется — впрочем, ненадолго) призвана выполнять весьма специфическую роль в системе географических наук, обусловленную общим состоянием общественной географии. Так, объектами социальных «ветвей» общественной географии называются «территориальные различия в области образования, культуры, здравоохранения и в условиях нашей страны»²⁵ и не более того.

Культурная география так и не вышла за рамки социальной географии, как предлагал В. М. Гохман, и так и не стала наукой об образе жизни и специфике местных общностей, как мечтал Р. М. Кабо. Она зародилась в самом конце 1980-х гг. как довольно узкая прикладная область знания, изучающая *распространение артефактов* (и, прежде всего, изначально — учреждений) культуры на территории.

Создание такой «географии культуры» связано с работами А. Г. Дружинина, считающего, правда, основным методологическим основанием географии культуры концепцию ноосферы²⁶. Он выводит предмет географии культуры из концепции *территориальной организации общества*, отмечая, что «культура как специфическая географическая реальность пространственно организована и предстает в особых территориальных формах, совокупность которых образует территориальную организацию культуры (ТОК)»²⁷. Конкретизируя предмет географии культуры, А. Г. Дружинин вводит понятие *геокультурной ситуации* — однако, не как особой территориальной (под)системы, а как ее свойства. Он определяет геокультурную ситуацию как «пространственно дифференцированную совокупность условий воспроизводства общественного человека (как всесторонне развитой личности), а также самовоспроизводство их в диалектическом единстве в рамках определенной территориальной общественной системы»²⁸. Именно геокультурные ситуации как временные конкретно-исторические срезы «актуальной культуры»²⁹ формируют специфические геоэтнокультурные системы, к выделению которых сводится изучение географии конкретной культуры³⁰.

Более четко А. Г. Дружинин «нащупывает» тонкую грань отличия культурной и социальной географии, говоря о задачах географии культуры — определении ««культурной» составляющей в функционировании территориальных общественных систем» и разработке конкретных путей «целенаправленного преобразования последних в территориальные системы культуры»³¹. Определяя культурную географию именно как *географию культуры*, А. Г. Дружинин неизбежно приходит к пониманию незначительности разрыва культурной и социаль-

ной географии в такой трактовке: «рассматривая географию культуры как одно из направлений (подсистем) общественной географии и одновременно общегеографический научный подход, мы не стали бы, вместе с тем, определять позицию сторонников отнесения географии культуры к системе социальной географии исключительно как ошибочную»³². Причиной такой признаваемой неразрывности двух географий А. Г. Дружинин видит 1) подчиненность культурной инфраструктуры как важного компонента территориальной организации культуры социальной инфраструктуре и 2) сопряженность геокультурной ситуации и территориальной общности людей как разновидности территориальных общественных систем, которые, собственно, и формируют геокультурные ситуации³³.

Вместе с тем, далее, в той же монографии А. Г. Дружинин четко указывает на *ещё одну специфическую функцию культурной географии в системе географических наук* — не в одном ряду с другими отраслевыми науками, а в качестве некоего *интегрального* подхода. Он пишет, что «география культуры как бы «пронизывает» все существующие подсистемы социально-экономической географии, сориентированные на изучение того или иного аспекта территориальных общественных систем»³⁴. Графически это представлено в виде многомерной модели общественной географии³⁵ (см. рис. 1).

Очень важным теоретическим и обобщающим постулатом становится точка зрения А. Г. Дружинина как первого в СССР теоретика и де-факто создателя культурной географии о факторах её формирования (восстановления). Предпосылками формирования географии культуры в своей трактовке А. Г. Дружинин называет 1) исследование отечественных географов в области социально-культурной географии населения, 2) появление новых «смежных» географических дисциплин — географии образования, науки, потребления, образа жизни, 3) становление понятийно-концептуального аппарата социально-экономической географии — категорий «территориальная общественная система», «социально-экономический территориальный комплекс», теорий территориальной организации общества и др.³⁶.

Таким образом, культурная география в нашей стране после долгого перерыва заполненных только проектами на будущее десятилетий *формируется в последние годы существования СССР в качестве особой ветви социальной географии*. При этом тематика культурной географии сводится пока что к территориальной организации объектов (артефактов) культуры, хотя программа А. Г. Дружинина и предполагает — очевидно, будущее, перспективное — расширение трактовки культурной географии с вовлечением в научный оборот её особого потенциала как «интегрирующего стержня» всей общественной географии (human geography).

При этом *эта культурная география формируется вне зависимости от западной культурной географии и без опоры на русскую антропогеографическую школу и даже практически без*

²⁵ Там же.

²⁶ Дружинин А. Г. География культуры: теоретико-методологический аспект. Ростов-на-Дону: Сев.-Кав. филиал ГО АН СССР, 1989. С. 69.

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ Дружинин А. Г. География культуры: теоретико-методологический аспект. Ростов-на-Дону: Сев.-Кав. филиал ГО АН СССР, 1989. С. 35; см. также Дружинин, 1999.

²⁹ Дружинин А. Г. Методологические основы географических исследований культуры // Известия ВГО. 1989б. Т. 121. Вып. 1. С. 61.

³⁰ Дружинин А. Г., Суций С. Я. География русской культуры: подходы к исследованию // Известия РГО. 1993. Т. 125. №6. С. 27–36.; Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994

³¹ Дружинин А. Г. География культуры: теоретико-методологический аспект. Ростов-на-Дону: Сев.-Кав. филиал ГО АН СССР, 1989а. С. 79.

³² Там же. С. 86.

³³ Там же. С. 86–87.

³⁴ Там же. С. 85.

³⁵ Там же. С. 84.

³⁶ Дружинин А. Г. Методологические основы географических исследований культуры // Известия ВГО. 1989б. Т. 121. Вып. 1. С. 59–64.

МИТИН Иван Игоревич / Ivan MITIN

| Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности |

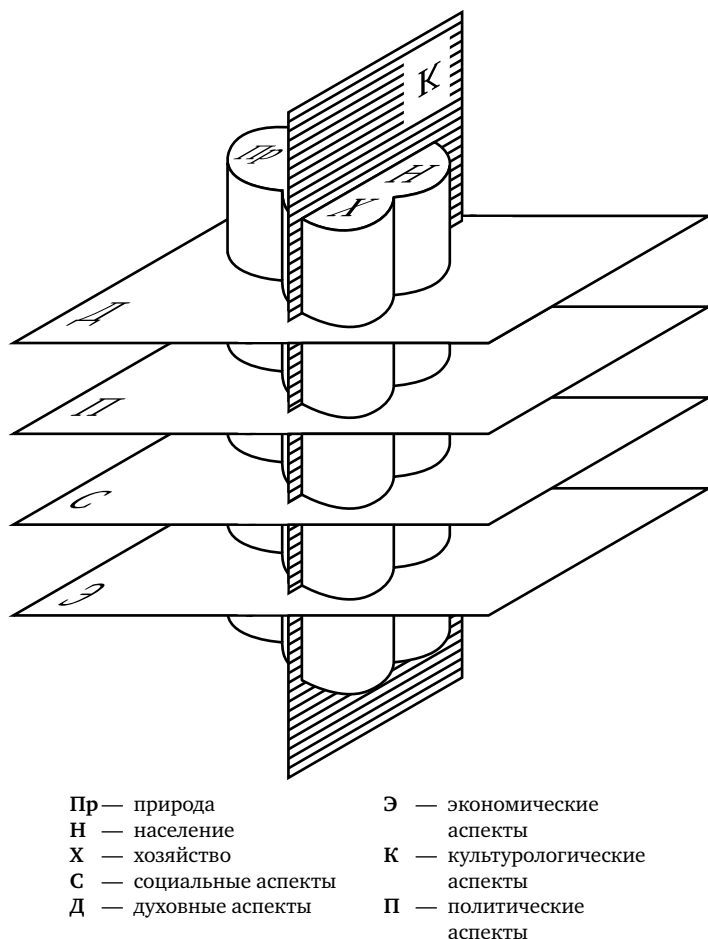

Рис. 1. Многомерная модель общественной географии

А. Г. Дружинина

учёта советского антропогенного ландшафтоведения, отделённого преградой «отраслевой границы» физической и социально-экономической географии.

Создание гуманитарной географии

После первых попыток создания полноценной культурной географии в самом конце 1980-х гг. (см. выше) настоящий расцвет в этой области начался во второй половине 1990-х гг. При этом термин «культурная география» до определённого момента практически не использовался, будучи заменённым на «географию культуры», «(этно)культурное ландшафтоведение» или, наконец, «гуманитарную географию».

Именно создание *специфического по своему концептуальному аппарату и охвату предметной области междисциплинарного научного направления под наименованием гуманитарной географии и стало основной особенностью развития культурной географии в постсоветской России.*

Понятие гуманитарной географии всё ещё только складывается в отечественной академической традиции и не имеет прямых аналогов за рубежом.

Под гуманитарной географией в широком смысле иногда понимают совокупность всех географических наук, не относящихся к физической географии, своего рода замену терминам «социально-экономическая география», «общественная

география»³⁷. Мы же будем здесь говорить о гуманитарной географии в узком смысле, определяя её как *направление географии, изучающее представления о пространстве (системы знаков, символов, архетипов, стереотипов, мифов, образов и др.), посредством которых культура, социальная группа или отдельный человек осмысляют окружающее пространство и организуют свою активность в нём.* Содержательная особенность «гуманитарной географии» — интерес к нематериальным объектам, к интерпретации ландшафта и места человеком. Методологическая особенность — в изучении закономерностей формирования указанных интерпретаций через системы знаков (текст, символы, мифы и т. п.)³⁸.

«Большая Российская энциклопедия» определяет гуманитарную географию как «совокупность тесно взаимосвязанных направлений географии, изучающих закономерности формирования и развития систем представлений о географическом пространстве (в сознании отдельных людей, социальных, этнокультурных, расовых групп и др.), согласно которым человек организует свою деятельность на конкретной территории»³⁹.

К гуманитарной географии следует, с известной долей условности, отнести отечественные концепции культурного ландшафта⁴⁰, географических образов⁴¹, региональной идентичности (самосознания)⁴².

Концепции *культурного ландшафта* в современной «гуманитарной географии» в наибольшей степени исторически укоренены (см. выше)⁴³. В «гуманитарной географии» используются другие концепции культурного ландшафта, названные А. Г. Исаченко *культурологическими*⁴⁴. Если разбираться подробно, то следует выделить, как минимум, три гуманитарно-географических подхода к культурному ландшафту⁴⁵. Первый — *информационный* (информационно-аксиологический) — соответствует трактовкам Ю. А. Веденина и Р. Ф. Туровского, а также О. А. Лавреновой. Ю. А. Веденин

³⁷ Ковалев Е. М. Гуманитарная география России. М.: Варяг, 1995.; Замитин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. С. 5.

³⁸ См. также Замятина Н. Ю., Митин И. И. Гуманитарная география // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. Григорьев — Динамика. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 151.

³⁹ Замятина Н. Ю., Митин И. И. Гуманитарная география // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. Григорьев — Динамика. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 151.

⁴⁰ Веденин, 1997; Исаченко Г. А., 2003; Каганский, 2001; Калуцков, 2000, 2008; Культурная..., 2001; Культурный..., 2004; Лавренова, 2003, 2010; Симонов, 1998; Туровский, 1998.

⁴¹ Замятин, 1999, 2003, 2006; Замятина, 2001, 2004; Коломейцева, 2003; Лавренова, 1998; Чихичин, 2006.

⁴² Крылов М. П. Пространственная дифференциация региональной идентичности в Европейской России // Города и городские агломерации в региональном развитии / Под ред. Ю. Г. Липеца. М.: ИГ РАН, 2003; Культурная география / Науч. ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. М.: Институт Наследия, 2001.

⁴³ Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 133–142.

⁴⁴ Исаченко Г. А. Культурный ландшафт и процессы запустения // Культурный ландшафт: Теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / Отв. ред. В. Н. Калуцков, Т. М. Красовская. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 8.

⁴⁵ См. также Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. С. 51–64.

МИТИН Иван Игоревич / Ivan MITIN

| Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности |

определяет культурный ландшафт так: «целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей»⁴⁶. Отметим важный акцент на культурном (информационном) слое ландшафта как основополагающем в современных условиях, на роли интеллектуальной и духовной деятельности в создании культурного ландшафта⁴⁷. Информационный слой культурного ландшафта может быть намеренно сконструирован как объект наследия⁴⁸.

Второй подход — определяемый автором как *герменевтический* — предлагает В. Л. Каганский: «Всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей — культурный ландшафт, если это пространство одновременно целно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически»⁴⁹. В этом определении сделан первый шаг к разъяснению отношений культурного и природного слоев в ландшафте (в трактовке Ю. А. Веденина), однако, оставлена дихотомия двух слоев, сглаживаемая пониманием освоения пространства людьми. Впрочем, В. Л. Каганский оставляет легитимной и широкую трактовку культурного ландшафта, во многом апеллирующую к отечественной традиции — культурный ландшафт как синоним ландшафта вообще⁵⁰.

Третью трактовку — *культурно-этническую* — предлагает В. Н. Калущков: «В принципиальном плане под культурным ландшафтом понимается природно-культурная среда развития определенного этноса, в конкретном — природно-культурная среда развития конкретного местного сообщества»⁵¹. В. Н. Калущков последовательно подчеркивает ведущую роль этносов и/или сообществ в создании культурного ландшафта⁵², а в одном из определений отмечает, что «под культурным ландшафтом понимается культура местного сообщества, сформировавшаяся как результат его жизнедеятельности в определенных природных условиях, взятая в её целостности»⁵³. Этот подход окончательно выводит понятие культурного ландшафта из традиционного отечественного понимания и приближает к западным образцам.

Концепция *географических образов*, разработанная Д. Н. Замятиным исторически составляет ядро гуманитарной геогра-

фии, поскольку именно с опорой на неё и был предложен сам термин «гуманитарная география»⁵⁴. По Д. Н. Замятину, географический образ — это «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну)»⁵⁵. Подробный разбор различных трактовок понятия представлен в статье⁵⁶. В самом общем виде, географический образ рассматривается как «часть представлений о географическом объекте, основанная на информации о свойствах данного объекта»⁵⁷, при этом подчёркивается, что «синонимом географического образа как совокупности атрибутивных представлений можно считать и просто «представления о географическом объекте»»⁵⁸.

Региональная идентичность — третья важная категория «гуманитарной географии», изначально в наименьшей степени обращенная к конкретной территории и её характеристике. Она определяется М. П. Крыловым как «совокупность культурных отношений, определяемых понятием «малая родина» и являющихся местным проявлением (характерным для данной цивилизации) «культуры укоренённости»»⁵⁹.

Таким образом, *гуманитарная география по своему фактическому содержанию «поглотила» все основные культурно-географические темы*. Вне рамок гуманитарной географии в постсоветской России исследования по культурной географии осуществлялись, в основном, в традиции, близкой к созданной в 1980-х гг. географии культуры — например, тем же А. Г. Дружининым (см. выше), или А. Г. Манаковым⁶⁰. Ряд фундаментальных теоретических и обобщающих работ по культурной географии были подготовлены В. Н. Стрелецким⁶¹.

Можно говорить, иными словами, о своеобразной современной гуманитарной географии как о *новой российской школе культурной географии*, хотя, разумеется, в строгом смысле

⁴⁶ Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 9.

⁴⁷ Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 24.

⁵⁰ Там же. С. 61.

⁵¹ Калущков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 12.

⁵² См. там же; Калущков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.

⁵³ Калущков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: Вопросы теории и методологии исследований / Семинар «Культурный ландшафт»: второй тематический выпуск докладов. М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 7.

⁵⁴ Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.

⁵⁵ Замятин Д. Н. Географический образ [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4 / Отв. ред. и сост. Д. Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2007. С. 273.

⁵⁶ Замятина Н. Ю. Географический образ (2) [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 6 / Отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008.

⁵⁷ Замятина Н. Ю. Взаимосвязи географических образов в страноведении: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2001. С. 6.

⁵⁸ Замятина Н. Ю. Географический образ (2) [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 6 / Отв. ред. И. И. Митин; сост. Д. Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. С. 206–207.

⁵⁹ Крылов М. П. Региональная идентичность [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред. и сост. Д. Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2005. С. 356.

⁶⁰ Манаков А. Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Возрождение, 2002.

⁶¹ Стрелецкий В. Н. Этническое расселение и география культуры // СССР — СНГ — Россия: география населения и социальная география. 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 112–143. Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №4. С. 18–28.

МИТИН Иван Игоревич / Ivan MITIN

| Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности |

термины «культурная география» и «гуманитарная география» неидентичны.

Российская школа гуманитарной географии возникла так же, как это было с советской культурной географией 60-ю годами ранее: *практически «в отрыве» от предшествующей традиции*. Первые работы по гуманитарной географии больше опирались на философские работы структуралистов и постструктуралистов, с одной стороны, и наследие «золотого века» географии рубежа XIX-XX вв., с другой стороны. Ни сложный путь советской культурной географии, ни десятилетия повышенного интереса к культурной географии на Западе во второй половине XX века практически не отразились в российской гуманитарной географии.

Как это ни парадоксально, именно это привело к формированию оригинальной школы. В то же время, по своей концептуальной рамке и тематическому охвату (интерпретации и репрезентации пространства и места) гуманитарная география наиболее близка, на наш взгляд, классическим образцам «новой культурной географии» в англо-американской традиции⁶². Именно в рамках этого направления Л. Роунтри и М. Конки рассматривают культурный ландшафт как «информацию, сохраненную в символической форме, <...> <которая> отчасти функционирует как нарратив»⁶³. Символы становятся динамическими структурами, «регулирующими механизмами, которые упорядочивают и контролируют потоки информации»⁶⁴, «частью, которая в силах создать целое»⁶⁵. Таким образом, «символические качества ландшафтов — те, что создают социальные значения — оказываются в фокусе исследований»⁶⁶.

В то же время исторический путь, обусловивший развитие этой «новой культурной географии» на Западе гуманитарной географией в России отнюдь не был повторён. Так, в России не было своего Карла Зауэра, на критике которого построена кон-

цепция «новой культурной географии». И в России не было последовавших трансформаций «новой культурной географии» наподобие появившихся уже после расцвета этого направления в 1970-е гг. Так, Лоретта Лис отмечает, что трансформацию общественной географии с 1970-х гг. по 2000-е гг. вполне можно разделить на пять «поворотов», выделив, помимо собственно культурного («новая культурная география», символические качества ландшафта), ещё и лингвистический («ландшафт как текст»), интерпретативный («иконграфия ландшафта» и анализ визуальных интерпретаций пространства), постмодернистский (репрезентации и «производство пространства») и психический (моральность/аморальность ландшафта и психоанализ города)⁶⁷. В российской же гуманитарной географии некоторые тексты возникали и в смешении собственно символических и текстологических и интерпретативных характеристик ландшафта, однако, базовая установка закреплена «в координатах» знаков и символов.

В этом смысле российская гуманитарная география сегодня, видимо, своего рода «последний оплот» «новой культурной географии» в мире, хотя и значительно расширенной и приближенной к смежным социально-гуманитарным наукам и философии. В этом смысле теория гуманитарной географии ещё ждёт своего исследователя, причём эта тема актуальна в мировом масштабе.

Постгуманитарная география?

К настоящему моменту можно с уверенностью говорить об окончательном формировании гуманитарной географии как своеобразного направления, служащего российской версией культурной географии. Однако, какой путь ждёт культурную географию в России в будущем?

Задаваясь этим вопросом, мы хотели бы поставить «много-точие», поскольку ответа на него, увы, не знаем. Проблема состоит в том, что путь развития культурной географии в России на протяжении почти 100 лет был революционным и фрагментированным, с резкими скачками, «взлётами и падениями». Описание этого пути, предпринятое в настоящей статье, позволяет постулировать практически полную непредсказуемость тренда развития культурной географии в будущем. Отметим, вместе с тем, что *взаимное наложение тенденций «культурного поворота» в географии и «пространственного поворота» в социально-гуманитарных науках*, очевидно, будет играть не последнюю роль в этом будущем развитии.

⁶⁷ Lees, 2002.

⁶² Price M., Lewis M. The reinvention of cultural geography // Annals of the Association of American Geographers. 1993. Vol. 83. No. 1. P. 1–17.
Rowntree L.B. Cultural/humanistic geography // Progress in human geography. 1986. Vol. 10. No. 4. P. 580–586.
Rowntree L.B. Orthodoxy and new directions: cultural/humanistic geography // Progress in human geography. 1988. Vol. 12. No. 4. P. 575–586.
Tuan Yi-Fu Perceptual and cultural geography // Annals of the Association of American Geographers. 2003. Vol. 93. No. 4. P. 878–881.

⁶³ Rowntree L.B., Conkey M.W. Symbolism and cultural landscape // Annals of the Association of American Geographers. 1980. Vol. 70. No. 4, p. 461.

⁶⁴ *ibid.*, p. 460.

⁶⁵ Tuan Yi-Fu Space and place: humanistic perspective // Progress in geography. 1974. Vol. 6. p. 23.

⁶⁶ Cosgrove D., Jackson P. New directions in cultural geography // Area. 1987. Vol. 19. No. 2, p. 96.

